

Солнцестояние / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Солнцестояние / рассказ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

«Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор.»

Ф. Ларошфуко

В зале протяжно скрипнула дверь. Гроб качнулся под сжимающими бортик пальцами Андрея, словно челнок на воде. Стены, пол и потолок, всё, надвигаясь, поплыло перед его глазами, будто напоминая о своём существовании.

В зал тихо вошла хрупкая невысокая женщина и остановилась около дверей. Её тонкие, почти детские руки, обтянутые чёрной тканью, были опущены, ладонки сцепились в замок и замерли. Внезапно в зале словно бы стало ещё тоскливей. Он резко оглянулся, чтобы дать понять, что заметил её, затем снова устоялся в бортик гроба. Женщина, аккуратно постукивая каблуками, подошла к нему. С минуту постояла рядом, затем, снизу вверх, заглянула ему в лицо и выжидательно замерла. Лицо у неё было такое белое, что Андрей почти отпрянул, глаза страшно спокойные, тёмные, словно нарисованные одной тонкой, почти незаметной линией. Казалось, что тени, ютившиеся в них, могут расплескаться в любой момент и заполнить всё вокруг. Словно сама смерть дала форму её телу, сделала мысли бесплотными, как призраки, а волосы чёрными и гладкими. Они, собранные в пучок, и плавные движения тела — всё это напомнило Андрею образ гейши, и он вдруг представил эту женщину в красном халате, но улыбку на её лице даже в своём воображении вызвать не смог.

— Пора, — мягко сказала она и как деликатный конференсье отступила назад, к двум женщинам, сидящим на скамейке у стены, и что-то сказала им по-монгольски. Андрей отвернулся и упрямо устоялся перед собой, не отпуская бортик.

Перед ним от пола тянулись окна, сужающиеся под высоким

выбеленным потолком в одну точку. Серая каменная каёмка удерживала в них влажно поблескивающие стёкла. Вдалеке горело какое-то яркое пятно. Он присмотрелся, сощурил глаза. Посреди каменно-серой монгольской земли и жидких островков первого сентябрьского снега застыл в невозмутимой величественной позе крупный петух с огненно-красным гребешком.

С минуту он простоял неподвижно, затем неторопливо переместился куда-то влево и исчез из оконного проёма.

Позади раздались негромкие шаги. Андрей быстро вытер лицо рукавом и достал из кармана два прямоугольных картонных отрезка. На одном из них, под сегодняшней датой, полыхнуло её имя, и Андрей повторил его про себя, словно позвал: «Цэрэн» . Ещё в мае они сидели рядом уже на самых последних лекциях и, тихонько перешёптываясь, разглядывали купленные накануне билеты на самолёт до Мадрида. Цэрэн уронила один и, нагнув голову, потянулась за ним, тихонько пискнув. Усталый и хмурый мужчина внизу у доски замер и посмотрел на верхние парты. Вновь появившееся лицо Цэрэн уткнулось в плечо Андрея, трясущееся от сдерживаемого хохота. Сам Андрей тоже быстро уронил лицо в ладони над тетрадью и затрясся, сопя и часто дыша.

Женщины подошли к гробу с другой стороны. Та, что была помоложе, достала небольшую чёрно-белую фотокарточку, на которой проступало детское личико и склоняющиеся к нему лица с чёрными собранными волосами. Позади женщин был запечатлён усатый незнакомый Андрею мужчина, любопытно заглядывающий через их головы.

Седая женщина крепко взяла под руку другую и прижала сухую ладонь ко рту. Тёмноволосая встретилась глазами с Андреем и словно подалась ему навстречу, кивая и мягко улыбаясь. Андрей скривил рот, силясь улыбнуться, но не смог и опустил глаза в белые складки, прячущие тело Цэрэн. Женщины медленно прошли к выходу из зала, где ждали четверо строгих, одетых в чёрное, молодых людей и та невысокая, похожая на гейшу дама. Андрей в последний раз сжал билеты, быстро опустил один на белое

шёлковое дно, рядом с её рукой и отошёл, часто моргая. Молодые люди слаженно и деловито завинтили крышку, взялись за ручки гроба и медленно двинулись к дверям. Женщины потянулись за ними. Андрей застыл посреди пустеющего зала и опустил глаза на картонный прямоугольник в руке, ища её имя, но внезапно увидел своё. Он вздрогнул, распахнул рот и выбежал в коридор.

Гроб, ускользая от света, плыл к стальным дверям. Женщины свернули в маленькое помещение, отделённое стеклянной стеной от громадной серой печи. Андрей остановился у входа, не переступая порог. По ту сторону стекла, на высоком столбике с круглой плоской шляпкой стояла белая высокая урна. Гроб установили перед железной конструкцией, медленно поддевшей его; он поднимался навстречу пылающему рту печи. Андрей зажмурился, сжал зубы и выскочил обратно в коридор. Там он опёрся ладонями в колени, пытаясь отдышаться, затем растерянно уставился на билет. Одинокое застыло там его имя, оттиснутое худыми линиями. Он смотрел на него, точно не узнавая. Время вылета – вечер. Позади было то, близкое и страшное. Он не мог заставить себя обернуться. Андрей вдруг бросился к выходу. За ним заскользили, преломляясь свечами, тени и отпрянули, когда он распахнул дверь.

Аэропорт сердито гудел. Андрей, не встречаясь ни с кем глазами, проскользнул в самолёт и вжался в кресло, отворачиваясь от пустого сидения рядом. Грустно мигнул в сгущающемся вечере Пекин во время пересадки. Самолёт взвыл, уносясь от остроконечных пагод. Андрей опустил шторку на иллюминатор и, болезненно вздрагивая, провалился в сон. Он проспал до самой посадки.

В аэропорту Барахаса было шумно. От проходящих мимо до Андрея доносился словно бы птичий щебет. Высоко над головой выгибались какие-то железные конструкции, как золотистые рёбра. За ними сквозь стеклянный потолок виднелось синее небо и солнце. Андрей вышел на улицу и сразу же попал под горячие лучи. Жар пробирался под одежду. Андрей оживился и заторопился в гостиницу.

В комнате Мадридского отеля было светло и душно. Он открыл окна настежь, и под потолком тут же захлопали, заметались алые занавески, словно две беспокойные птицы. Город наполнил комнату низкими гортанными гудками, обрывками мелодий и голосами, то далёкими, то близкими.

Андрей навзничь рухнул на кровать и прикрыл ладонями глаза. Узкая трубка телефона темнела на прикроватной тумбе. Раздался дребезжащий визг, и Андрей сшиб её с аппарата. Коротко и прерывисто заняло в трубке. Он оставил на кровати куртку и в одной рубашке вышел из номера.

Андрей побродил по улицам, несмело оглядываясь, затем присел на веранде маленького кафе, щурясь от солнца. К нему сразу же подошла официантка с круглыми вертявыми бёдрами и что-то сочувственно сказала по-испански, кивая на полутёмное помещение. Андрей сморщил лицо и вопросительно посмотрел на неё.

– It is hot here. Go to the hall , – сказала официантка, растягивая слова.

Он замотал головой, выставив сопротивляющуюся ладонь перед лицом, и опустил глаза в меню. Официантка улыбалась и не сводила с него смеющихся глаз, пока он не заказал еду.

Пообедав, Андрей ещё долго сидел на веранде, разомлев от полуденного тепла. Неподалёку стояло невысокое дерево с гладким красноватым стволом. Сквозь его кожистые листья проступали красные круглые ягоды. По всей поверхности ягод растопыривались мелкие зубчатые отростки. Эти плоды напомнили ему маленькие раскалённые солнца.

Андрей зажмурился и сжался, переживая нежданное столкновение с памятью. Прошлым летом они с Цэрэн вместе приезжали к её маме и бабушке в Улан-Батор. Ему вспомнилось, как, гуляя по маленьким старым улочкам, с небольшими, застывшими как-то наискось домами, они внезапно вышли на пустырь. Перед ними вдруг появилась белая, затянутая копотью стена разрушенного дома. Посреди неё щурилось обугленное отверстие, видимо, там, где было окно. Сквозь него плыло синее небо и дымные облака.

Цэрэн обошла стену и застыла там. Вокруг её ног валялись обугленные деревяшки. Пыль и зола подрагивали от слабого ветерка. Она не отрываясь смотрела на тоненькое обугленное дерево.

– Посмотри, какое красивое, – обернулась она к Андрею.

Он нехотя, высоко поднимая ноги, подошёл. Она вытянула далеко вперёд руку.

– Видишь, там, наверху? Огонь не добрался!

Андрей прищурился, ища то, на что она нетерпеливо показывала пальцем.

Самая верхняя обугленная веточка заканчивалась маленьким узловатым отростком. Сквозь него, едва заметно, проступала красноватая припухлость.

Андрей ещё посидел, покачиваясь, склонившись к коленям, глядя на камни мостовой под ногами, где суетливо копошились муравьи. Затем резко встал, похлопывая себя по бёдрам, точно стряхивая что-то, и отправился бродить, наугад выбирая улицы.

Его внимание привлёк маленький магазинчик, располагавшийся в подвале дома с жёлтыми стенами, увитыми потрескавшимися каменными завитушками. Андрей вошёл, и сразу же его тело облекла сумрачная прохлада. Из-за прилавка на него внимательно и строго смотрел мужчина. Кожа его была тёмной и морщинистой. Стараясь не смотреть на продавца, он подошёл к стеллажу и стал бездумно водить пальцами по выступающим рёбрам пластинок. Продавец что-то спросил. Андрей неопределённо помахал вялой рукой у лица, показывая, что не говорит по-испански. Тогда мужчина, глухо кашлянул и ловко выудил откуда-то пластинку, привлекая внимание Андрея поднятым в воздух указательным пальцем. В полумраке мелькнул чёрный диск и завертелся с глухим шипением в проигрывателе. Негромко и торжественно вступила мелодия. Звуки никли, оплывали, грустные и одинокие. Что-то очень знакомое Андрею было в их сочетании. В горле у него сжалось. Вступил орган. Андрей кивнул продавцу и спешно поднялся на улицу.

Солнце было ещё высоко. Жар сразу же заполнил тело Андрея. Он

осмотрелся. Обмахиваясь большими белыми шляпами, мимо проплыли две девушки в светлых платьях. Смуглый мальчишка без рубашки сидел на каменных ступеньках и, лениво скалясь, смотрел на улицу. Андрей побродил ещё пару часов и, когда солнце стало клониться к горизонту, направился к гостинице.

В холле было шумно. Из приоткрытой двери бара доносилась весёлая музыка и одобрительные возгласы. Проходя мимо, Андрей остановился и заглянул внутрь. Крепкая девушка с выгоревшими рыжими волосами, подрагивая всем телом, двигалась под музыку, топая босыми ногами. Руки её держали подол красного платья, обнажая согнутые колени. Её загорелая кожа поблёскивала и лоснилась, сочные полукружия груди подрагивали, выглядывая из глубокого выреза. Все в баре смотрели на эту девушку, кивая ритму её тела. Андрей, как заколдованный, смотрел и смотрел на буйство движения и красок.

В номере он почти сразу лёг в постель и заснул без сновидений. Было очень тепло, но Андрей ночью, не открывая глаз, натянул на себя одеяло.

Он проснулся около двенадцати дня и долго не вставал с постели. Окно со вчерашнего дня было открыто, и шум города заполнял номер. Андрей лежал, глядя в потолок, тихонько шевеля то ногой, то руками. Когда, наконец, он решил встать, голова его закружилась и комната закачалась. Он долго стоял под струями душа, затем нашёл сбитую накануне трубку телефона и заказал завтрак.

Позавтракав, Андрей нехотя надел вчерашнюю одежду. Чёрная рубашка казалась ещё свежей, но ворот врезался ему в шею, как бы Андрей его не ослаблял. Расстёгнутые верхние пуговицы не помогали – тёрло и сзади, под затылком.

На улице снова было жарко, но теперь как-то безлюдно. Андрей, не оглядываясь, долго шёл наугад.

Справа, на возвышении, мелькнули безгласные арки храма Дебод. Андрей замер и, стоя в тени деревьев, какое-то время рассматривал каменную площадку, раскалённую солнцем, утирая

шею платком. Город словно внезапно стих. В животе у него дрогнуло, и он спешно пересёк парк, а затем проезжую дорогу и оказался на оживлённой улице. Идти было тяжело. Солнце всё настойчивее полыхало над его головой. Ища тени, Андрей свернул в узкий переулок. С обеих сторон поднимались яркие жёлтые стены. Какое-то время он шёл прямо. До Андрея доносились обрывки разговоров, смех и детские голоса.

Вдруг навстречу ему двинулось что-то тёмное. Впереди, неотвратимая и строгая, двигалась процессия. Несколько человек несли гроб. Во главе, словно указывая дорогу, шла пожилая высокая женщина, с мутными глазами в кружевной чёрной накидке на волосах.

Всё в Андрее заметалось. Он огляделся – слева маячил вход в какой-то двор. Уже доносились стонущие голоса и всхлипывания. Андрей быстро свернул в тихий двор и замер спиной к переулку, переводя дух. Через несколько минут тишина рассеялась, и та самая процессия, причитая на незнакомом ему языке, медленно вползла следом. Всё вдруг словно перевернулось. Гроб, как густая чёрная бровь, проплыл под бессонным алеющим глазом и исчез в тёмной арке подъезда. Снова воцарилась тишина.

Андрей стоял во дворе, замкнутом четырьмя низенькими домами, как в каменном мешке, застигнутый выжигающим солнцем. Он беспомощно оглянулся куда-то в сторону отеля, где был его пустой номер, и пошёл, не поднимая глаз от земли.

Мама Цэрэн сидела в саду, в отдалённой части колумбария. Перед ней на маленьком столике стояла белая урна. Она подняла лицо навстречу медленно подходящему Андрею. Строгое и печальное, оно качнулось – женщина словно указала на скамейку. Андрей присел рядом с ней. Ветер приподнимал нежно шелестящие листья деревьев.

Молодой человек и пожилая женщина неподвижно сидели рядом и смотрели перед собой.

Об авторе: АЛИСА РАХМАТОВА

Родилась в 1990 году. Писатель, филолог, литературовед.
Преподаёт литературу в вузе. Некаýalar